

ОЛЬГА АРУНД

*33 несчастья
для математика*

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84.4
А86

Арунд О.

А86 33 несчастья для математика / О. Арунд. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 268 с. — (Самсоновы).

Он помог мне выиграть свидание мечты, я помогу ему, став фиктивной невестой.

Вот только сюрпризов у самого требовательного препода универа оказывается гораздо больше, чем было обещано.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90024-4

© Ольга Арунд, текст, 2022
© Эйла Эвиле, обложка, 2022
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА I

Маша

Что делать, если к последнему курсу обнаглели, освоились и окрутели все, кроме меня? Меня, так и оставшейся робкой первокурсницей, хотя впереди ждали перспективы и красный диплом.

— Ты? Морозова, да тебе духу не хватит!

— Спорим?

Стоящая напротив Пермякова предвкушающе прищуривается.

— На что?

— На диплом. — Ва-банк, и такой, что её глаза неверяще распахиваются. — Если проиграю, я напишу тебе диплом.

Да, можно скачать несколько и сделать из них один, как Пермякова наверняка и планировала, но это же я. Честная и хорошая.

Дура, в общем.

— А если выиграешь? — Не верит. Вообще ни разу не верит в мою победу и в мыслях уже стопроцентно прокручивает поздравление с «отлично» за защиту.

— Если выиграю... ты организуешь мне свидание с Артуром.

— Что? — давится она воздухом. — Морозова, ты совсем охренела? Мы встречаемся.

Это потому что он считает тебя умной. Знал бы Велисов, что под крашеным блондом все извилины прямые, пересмотрел бы своё отношение. Увы, когда сна-

33 несчастья для математика

ружи красивая обёртка, во всё остальное окружающие готовы поверить авансом. А Пермякова самая что ни на есть звезда потока.

— Ну? Согласна? — Милана думает. С таким напряжением, что хмурятся идеальные брови.

Думай-думай, всё равно устоять против моего диплома ты не сможешь. Не тогда, когда твоя последняя сессия грозит быть заваленной из-за пяти хвостов.

— Хрен с тобой, Морозова! Мой диплом против свидания с Артом.

Хлопок по рукам разрывает транс притихших было однокурсников, среди которых Велисова, естественно, нет. Курить он не курит, а сегодня его ещё и в деканат вызвали, так что момент выдался удачный.

Тем временем, улюлюканья, смешки и остроумные пожелания сыпятся со всех сторон, пока я стягиваю с волос резинку. Будем считать, что они, заплетённые на ночь в косу, сойдут за рекламные локоны. Пытаясь придать хоть какой-то объём, я взлохмачиваю их пальцами.

Бесполезное, кстати, занятие, учитывая влажность, ветер и середину ноября, но сдаваться не в моих правилах. Очки, которые я не успела снять после пары, отправляются в сумку, а ворот пальто, наоборот, приподнимается. Как бы вамп, ага.

Тяжёлый вздох вырывается помимо воли. Затея со спором, конечно, идиотская, но достали.

Я старше большинства своих одноклассников на год точно, а кажется, что младше на десять. Все эти подколки, насмешки, «Чё ломаешься, как Морозова!» Хватит. Либо я сейчас делаю всех и сразу, либо перехожу на дистант. Всё равно последние полгода лекций погоды не сделают, а конспекты можно писать и дома. В покое. В тишине. Не отрываясь от работы.

Главное, не думать, что после своей выходки до защиты диплома я могу и не дойти.

Лучше вообще ни о чём не думать.

Встряхнувшись под издевательскими взглядами большей части группы, я иду к парковке, где, присев на собственный мотоцикл, с кем-то разговаривает Глебов. И хорошо, что разговаривает — так Илья Глебович не заметит меня до последнего. До последнего моего самоубийственного поступка в этом институте.

Десять шагов.

Не думать. Не думать. Не думать. Все мы взрослые люди. Взрослые, ведь?

Семь.

С моим зрением этого расстояния мало, даже чтобы рассмотреть мотоцикл. Я и не пытаюсь, чувствуя, как руки заходятся мелкой дрожью.

Пять.

Дурацкий спор! Зачем я, вообще, влезла?

Три.

Не знаю кто, но поговорите с Глебовым ещё чуть-чуть! Пожалуйста! Провидение, вселенная или Бог, вы просто должны мне помочь! И если повезёт, увлечённый, моих потуг он вовсе не заметит.

Один.

— Морозова? — нахмурившись, скидывается Илья Глебович, отведя телефон от уха.

Он что нас всех по фамилиям помнит?

Забыть. Просто забыть и сделать одно движение, которое обеспечит мне свидание с давней влюблённостью.

Отключив мозг, я хватаю собственного преподавателя за отвороты кожаной куртки и с разбега касаюсь его губ поцелуем. Детским, поверхностным, но доста-

33 несчастья для математика

точным, чтобы он устроил мне весёлую жизнь в последние несколько месяцев учёбы.

Ладони ощущают холодную гладкость кожи, а мои пальцы, кажется, намертво вцепились в преподавателя. И плевать, что они дрожат, я дрожу, а ситуация в целом не внушает оптимизма.

Интересно, а извиниться потом можно будет? А рассказать про спор?

Пока я жмурюсь, а мозг лихорадочно ищет варианты оправданий, этот... Илья Глебович не имеет таких проблем. Вообще, никаких не имеет, в том числе и тех, что про этику и профессионализм.

Потому что его ладонь ложится на мою талию, притягивая ближе. Потому что твёрдые, холодные губы раскрываются, заставив меня вздрогнуть. И, распахнутые было от неожиданности глаза снова закрываются, потому что он утягивает меня уже в настоящий поцелуй.

В тот, где нет мыслей, нет ограничений, и стеснения тоже нет. Зато есть мои ладони, сомкнувшиеся вокруг его шеи. Есть его руки, прижимающие меня к чужому телу. Есть язык, опытнее которого я ещё не встречала.

И глубокий поцелуй, со вкусом кофе и желания.

— А теперь, Морозова, — ироничным шёпотом, пока я пытаюсь собрать в кучу разбегающиеся мысли, — скажи, что это был спор и, может быть, я даже дам тебе сдать мой предмет.

ГЛАВА 2

Глеб

Сдать-то дашь, а вот как...

Сдержавшись, чтобы не тряхнуть головой, я отгоняю лишние мысли. Сколько их таких в потоке? Умненьких, скромных, в очках и со школьными хвостами? Гораздо больше, чем уверенных и упакованных двоечниц, вот только все эти вамп никогда меня не привлекали.

Мозг гораздо сексуальней груди третьего размера.

Дана тоже была такая, светловолосый ангел с милым лицом и умными глазами. Нежный, мягкий и насквозь лживый.

Воспоминание об измене, с момента которой не прошло и недели, отрезвляет.

— Спор, — на выдохе признаётся выпускница, отстраняясь и фокусируя взгляд. Всё-таки близорукость. — Илья Глебович, простите, это дурацкая шутка.

Шутка, может, и правда дурацкая, но на месте Морозовой извиняться я бы не стал. Потому что ей понравилось, хотя вряд ли сильнее, чем мне.

— Жень, я перезвоню, — вспомнив о приятеле, я сбрасываю вызов и убираю телефон. Одной рукой продолжая прижимать к груди, стоящую между своих ног, студентку.

Спор.

Нормальная ситуация в этом гадюшнике. За почти десять лет практики бывало и не такое. И мне всё ещё

33 несчастья для математика

не удавалось понять, кто тупее, студенты или преподаватели — и те и другие стойко держали планку. Вон и группа Морозовой стоит охреневшая у дверей в строительный корпус, а блондинка-заводила, фамилию которой мне даже вспоминать лень, сверлит спину девушки в моих руках нехорошим взглядом.

— Садись, Морозова. — Показательно заправив выбившийся от ветра локон ей за ухо, хмыкаю я. И отклоняюсь, чтобы достать второй шлем.

— Я?!

— Ты, Морозова. — Только отпустив её, разлохматившуюся и разгорячённую после неожиданного для обоих поцелуя, замечаю, что на улице похолодало, и застёгиваю куртку. — Или хочешь вернуться к друзьям? — Последнее слово — с нескрываемой насмешкой.

Нервно обернувшись, она решительно собирает волосы резинкой. В хвост.

Мор-р-озова...

— Нет. А к-куда вы?..

Клинит меня конкретно, потому что в голове, кроме собственной спальни, и вариантов-то не остаётся. Вот только неделя без секса не тот срок, чтобы начать кидаться на собственных студенток. Пусть даже настолько в моём вкусе.

— Домой, Морозова. К тебе домой, — фыркаю я, перекинув ногу через мотоцикл. — Заодно проведу индивидуальный факультатив о глупых спорах, реакции на них взрослых дядей и последующей сдаче экзаменов.

Мой выжидающий взгляд сталкивается с её и Морозова резким движением надевает шлем на голову. Господи ты, боже мой! Не убила хоть симпатичную мордашку? А то всякое бывало. Фыркнув, поправляю на ней застёжки.

— А я сдам? — Вопрос, надежду в котором не может приглушить даже стекло шлема.

— Сдашь, Морозова, расслабься. Адрес говори.

~ ~ ~

Внушительный кованный забор отделяет двор новой высотки от стоящих вокруг пятиэтажек. Из-за спины показывается рука с брелоком, слышится щелчок и ворота начинают разъезжаться в разные стороны. Студенческим общежитием здесь и не пахнет, а значит, хорошая девочка хороших родителей.

Снова остановившись уже у второго подъезда, я глушу движок.

— Всё, Морозова, приехали. — Вздохнув, помогаю ей слезть и снять шлем, под которым оказывается она сама, смущённая и взъерошенная.

Длинные светлые ресницы, огромные глаза и покусанные губы вместо того, чтобы двинуть по моим непомерно неприличным желаниям только распалаяют.

— Спасибо, Илья Глебович! — Интересно, она бы и после секса называла меня по имени-отчеству? Тпру, зорька. Снова не туда. — А вы?

— А я, Морозова, поехал.

Лишний шлем убран, подножка тоже. Руки, слава богу, при себе и вместо тонкой талии ложатся на руль, хотя картинка с Морозовой между моих ног, как двадцать минут назад, выглядит какой-то неадекватно впечатляющей.

— Подождите! — Покрасневшие и замёрзшие узкие ладони хватают меня за рукав. Чтоб тебя, Морозова! Неужели так сложно надеть перчатки? Раздражённо выдохнув, поднимаю на неё взгляд. — Илья Глебович, я хотела сказать вам спасибо. Большое, за то, что довозили и за... остальное.

33 несчастья для математика

Растрепавшиеся после шлема волосы лезут Морозовой, покрасневшей то ли от холода, то ли от смущения, в лицо. Она отмахивается, убирая их с глаз, и кажется ещё наивней, моложе и глупее.

И вот, честно говоря, лучшее, что она может сделать — скрыться за пластиковой дверью подъезда с оранжевой цифрой «два», но хорошие девочки так ведь не умеют.

— Правда, спасибо вам, вы меня спасли. И... — Прикусив губу, в этот раз она точно смущается. — Давайте я вас хотя бы чаем напою. Или кофе. С тортом.

Морозова! Знала бы ты какой торт у меня в голове после твоей выходки. Настолько сладкий, что приглашение на чай точно лишнее, и разом вострепнувшееся либидо это только подтверждает. А у меня и без связей со студентками проблем выше крыши.

— Илья Глебович, вы мне так помогли! Если бы вы не... — Что именно «не» понятно по, запнувшейся на середине фразы, Морозовой. — И дело даже не в споре, ведь я... — Она неопределённо взмахивает рукой и просто смотрит.

Огромными зелёными-презелёными глазами. Наивными до зубовного скрежета и это на выпускном-то курсе.

И хуже, в первую очередь для неё, что такие глаза я уже видел. Давно. В первом летнем лагере с первой своей любовью. Привет, Маша Левадина, давно не виделись.

— И что, вкусный торт? — Руки отпускают руль практически без участия мозга.

Долбаный ты интеграл. А ну-ка, быстро вспомнил, что ты старпер, преподаватель и вообще не лучший собеседник для чаепития!